

*На ветру не зябнет зяблик,
Лишь качается слегка
Вместе с веткой, как кораблик,
Что приплыл издалека...
Как я рад весенней птахе
И тому, что дал Господь
Скорби все мои и страхи
Этой крохе побороть...*

Геннадий Толин «Зяблик»

САДОВЫЕ НЕЗНАКОМЦЫ

Наша дача на опушке соснового леса. Чуть поодаль — песчаный склон, и там ласточки любят гнездиться. В этом году на даче как никогда было много птиц. И дрозды полюбили у нас клевать ягоды. Даже черноплодку мы не всю собирали, для дроздов часть оставляли. Пеночки, трясогузки, синички, иволги — мы уже знали «своих» пернатых и развешивали кормушки на деревьях. Птички с удивлением на нас поглядывали, предпочитая склевывать червячков и комаров с земли, с травы: мол, это же не город, есть чем прокормиться. Порхали весело над яблонями, потом рассаживались на жасмине и весело щебетали: лето!..

Соловьи нам часами пели по весне, но их мы редко видели, оперение у соловьев невидное, скромное. И сами они предпочитают оставаться в тени. Но — пение! Об этом много сказано-написано!

Птицы, как люди — горластые и мельтешащие; это совсем не значит, что самые талантливые, самые хорошие, самые-самые...

А тут появились незнакомые птицы — небольшие, юркие, грудки розовые, нежного окраса, с серой опушкой, щебечут громко, но коротко. Пропели песенку — и нет их... Полистав подарочную книгу, справочник о пернатых, разыскала наших незнакомцев. Это — зяблики! Вот вы кто, птички-невелички!

И вспомнилась невольно удивительная история, рассказанная мне в детстве папой. История про медсестру, лейтенанта Зябликову, которую папины однопольчане ласково звали Зябликом...

ЛЕЙТЕНАНТ ЗЯБЛИКОВА

Историю эту мне рассказал мой папа, фронтовик, прошедший войну от начала ее и до конца.

Не знаю, чем это объяснить, но люди, хлебнувшие войны, не любили о том распространяться, а может, просто щадили нашу, тогда еще юную, психику.

Надо сказать, что мой папа как мало кто любил все живое, всякую Божью тварь, населяющую наш мир, потому и профессию выбрал такую, облегчающую страдания бессловесным братьям нашим меньшим, — ветеринар. И до самой своей пенсии им проработал. Но из животного мира папа особенно любил лошадей, а из мира человеческого — хрупких самоуглубленных людей — «ботаников», как бы сказали сейчас, не умеющих вроде бы и за себя постоять.

И не случайно, видимо, все же он решил рассказать мне о кратком эпизоде войны, соединившем в себе и самоотверженность, и жалость, и что-то еще, лежащее за гранью плоского земного мудрования.

Папа в своем подразделении, как профессиональный ветеринар, досконально разбирающийся в лошадях, был к ним и приставлен, за них и отвечал. Ведь без лошадок, этих безотказных тружеников фронта, война, особенно ее начало, была бы гораздо драматичней, и все, особенно ездые, об этом хорошо знают...

Была у них в подразделении невзрачная худенькая медсестра, которая приходила подкармливать лошадей в свободное от службы время, вечером. Маленького роста, скромного обличья. Внешне было в ней что-то птичье, пожалуй, даже зябличье — а как было не иззябнуть слабой и беззащитной девушке, почти что девочке, на ледяном ветру безжалостной войны?

Зяблик — так ласково и звали ее все в полку с легкой руки ротного балагура и красавца Самсона, не обделявшего ее своим вниманием, но не переходившем, впрочем, границы дозволенного.

Спешит, например, к своим раненым на перевязку Зяблик, а навстречу — Самсон с переписанными откуда-то стихами Есенина:

Ты меня не любишь, не жалеешь,
Разве я немного не красив?

Зардеется Зяблик и старается как можно быстрее проскочить мимо столь галантного ухажера.

А еще частенько, но беззлобно дразнил он медсестричку за частые слезы. Вот принесет она своим подопечным лошадам кусочки свеколки, морковки, сухарики, и пока те благосклонно гостинцы схрумкивают, девушка что-то им тихонько наговаривает и плачет тоже тихонько.

Эх, Самсон, если знал бы ты, что слезы — это свидетельство чистой живой души, осторожнее был бы со своими шутками...

Но, может быть, все было и так, как сказано у одного поэта: «Две души неровные края свои сближали...»

Что уж там у нее случилось, какая беда, в это Зяблик никого не посвящала. Покормит лошадку — и к себе, в медсанчасть.

Не только простенькой внешностью, но и поведением Зяблик не выделялась. Была неприметна, может даже смиренна, если уместно здесь это слово; звезд с неба не хватала, значительных наград не имела, да и в силу маленького роста и физической слабости раненых с поля боя вытаскивала редко.

Но уж в санчасти трудилась, конечно, как и все, не покладая рук...

И жалел эту сестричку, этого Зяблика, как всем казалось поначалу, пожалуй, только конь, которого звали по трагикомическому совпадению тоже, как и ее обожателя и обидчика, Самсоном. Вот покормит девушка Самсона, завсхлипывает, а конь замрет, даже ушами не прыдет, мордой своей лошадиной к щеке зябликовской прижмется. Жалеет.

Но неисповедимы пути Господни, тем более на войне, и попал в медсанчасть с ранением наш однополчанин, богатырь Самсон. А надо сказать, что был он хорошим солдатом, отличным сапером, много жизней спасли его личное мужество, сноровка и смекалка. Но все же однажды обошла его военная удача...

Так вот. Перевязывает его после операции медсестра Зяблик, а он терпит; зубами скрипит, а терпит. Вспомнил, наверное, как за слезы поддразнивал сестричку. А та молча и спокойно свою работу делает. Перевязали Самсона, понесли на носилках в машину для отправки в госпиталь, и вдруг хлынул такой чудовищный ливень, что не видящая от печали белого света Зяблик, сопровождавшая раненого, сдернула с себя плащпалатку и стонущего Самсона стала укрывать ею.

И такая незадача, война — дело опасное и непредсказуемое, а события происходили не в тылу, а в прифронтовой зоне, и осколком разорвавшегося вблизи снаряда ее задело.

Не получилось ли так, что, закрывая Самсона от дождя, Зяблик спасла его от верной смерти?..

Без сознания была наша Зяблик, много крови потеряла, и отправили ее той же машиной, что и Самсона, в госпиталь. Провожающие вспоминали, что взрослые мужики, оказывавшие ей первую помощь, едва сдерживали слезы.

...Осталась ли медсестра жива? Об этом папа так и не узнал. Даже имени ее не запомнил. Через неделю он получил ранение и сам попал в госпиталь. Но запомнил, что фамилия медсестры была Зябликова. Лейтенант Зябликова. И еще вспоминал, что все раненые солдаты звали ее ласково Зябликом.

* * *

Теперь, прожив уже немалую жизнь, с высоты своего возраста ясно вижу, что в жизни нет ничего случайного и маловажного, даже если оно кому-то на первый взгляд может и показаться маловажным и странным.

В этом меня лишний раз убеждают недавно прочитанные строки замечательного православного писателя Александра Ракова: «Один только Бог знает связь причин и событий».

А нам остается лишь благодарно склониться перед Его святой волей.

ЛУЧИСТЫЙ СВЕТ ДОБРА

(Вместо послесловия)

Светлая и свет несущая — своими книгами, своим общением, своим обаянием, своим умением даже в непростых ситуациях проливать свет на истину... Такова Светлана Васильевна Вьюгина, ответственный секретарь приемной комиссии Союза писателей России. Как не порадоваться за новую книгу Вьюгиной — прекрасный сборник рассказов для детей и их родителей «Вьюнок»? Радость двойная, потому что неожиданная. Эта книга стала подарком не только автору, но и юным читателям Якутии, где теперь сборник можно увидеть на библиотечных полках. У «Вьюнка» двое «крестных родителей», что способствовали его изданию. Сначала рассказы Вьюгиной к читателям Якутии пришли через журнал «Полярная звезда». Народный писатель Якутии и автор знаменитого романа о Чингисхане Николай Алексеевич Лугинов в один из своих приездов в Москву поинтересовался у Светланы Васильевны, над чем она сейчас работает, и получил несколько рассказов автора, вскоре увидевших свет в «Полярной звезде». И вот уже в наше время к идее издания книги подключилась известная якутская поэтесса, народный писатель Якутии Наталья Харлампыева. О том, что она теперь автор «новорожденной» книги «Вьюнок», Светлана Васильевна узнала, лишь получив верстку на электронную почту. Изданная тиражом в пятьсот экземпляров в издательстве «АЛТА» (Якутск), книга прекрасно иллюстрирована. В нее вошли новые рассказы, ранее не публиковавшиеся: «Вьюнок», давший, собственно, название сборнику, «Алексей — человек Божий», «Пионер», «Польняша», «Три ангела», «Эти странные бабушки»...

Но давайте дадим слово «крестной матери» книги «Вьюнок», народному поэту Якутии Наталье Харлампыевой: «Для того, чтобы стать писателем, надо иметь дарование, талант — это непреложная истина. Но этого мало для того,

чтобы стать детским писателем. На мой взгляд, надо сохранить в себе детский взгляд на мир, этот чистый, *лучистый свет добра*, который озаряет все вокруг. К сожалению, это удастся не всем, ведь жизнь имеет обыкновение приземлять человека, а иной раз бить наотмашь... Светлана Вьюгина сохранила в себе это удивительное качество — добрый взгляд на мир. Судьба не всегда была благосклонна к ней, но она тот человек, который светится изнутри, озаряя этим светом все вокруг себя. Мне приходилось часто наблюдать за ее работой в приемной коллегии Союза писателей России, где она является ответственным секретарем, — там порой случаются нешуточные баталии, когда сходятся талантливые произведения и беспомощное графоманство, вставить слово в этом споре бывает достаточно сложно. А Светлана Васильевна всегда найдет примиряющее всех решение, доброе слово...»

Титульный для книги рассказ «Вьюнок» повествует нам о молодом коне, получившем свое простое имя еще будучи жеребенком — задолго до того, как его хозяин, сельский зоотехник Николай Николаевич, озабочился поиском более красивого имени для своего питомца. К моменту, когда хозяин решил дать молодому коню звучное имя Самсон, Вьюнок подрос и стал любимцем всех от мала до велика. Ни сам Вьюнок, ни окружающие его любящие сельчане новое имя всерьез не приняли: «Ты ему: “Самсон, Самсон...”», а он даже ухом не шевельнет».

Равнодушие к новому имени и нежелание предавать свое прежнее «детское» прозвище у Вьюнка было вовсе не гордыней. Как не было гордыней у него, ставшего великолепным конем, обыкновение не признавать чиновничества. Никак не хотел вольнолюбивый Вьюнок, чтобы восседал на нем без хозяйского разрешения кто-то из настырного начальственного сословия, а таких любителей без спросу погарцевать на кра-

сивом кавром жеребце поначалу хвато-ло! Но Вьюнок вставал свечкой и сбрасывал непрошеного седока-начальника наземь, чем ставил своего хозяина Николая Николаевича в неудобное положение, поскольку начальство сердилось. Не «прогибался» Вьюнок под начальников, имел чувство собственного достоинства и за строптивость был, несмотря на свои призерства в конных состязаниях, сослан на хозяйственные работы. С удовольствием он жил не тужил в гуще простых людей и радовался обыкновенным вещам — краюхе хлеба, кусочку свеколки, лунной ночи, когда мальчишки водили его купать на реку, радовался добрым словам, какими щедро награждали его люди...

Пишу это, а сам думаю: я ведь о коне сейчас пишу, а вовсе не о характере русского человека! Так почему же в поступках Вьюнка этот характер является нам с такой неожиданной силой? Юные читатели думают, что читают про коня, а на самом то деле этот рассказ вовсе не о коне, как и толстовский «Холстомер»! Светлана Вьюгина потому и незаурядный детский писатель, что говорит со своим читателем на равных, без поучения и сюсюканья. Говоря вроде об одном, о непростой судьбе коня, повествует на самом деле юным читателям о том, какими искони были их предки, как относились они к тем, кто в погоне за успешностью не гнушается ничем...

Счастливая своей размеренностью и несуетностью жизнь Вьюнка и его друзей прервана была войной, когда всех годных к службе лошадей реквизировали для фронтовых нужд. И Вьюнок не стал исключением, пошел воевать за нашу многострадальную родину. Взрослые-то читатели знают, что в самом начале Великой Отечественной войны у верховного командования СССР были иллюзии о том, что «лошадка еще повоеует», как говорил легендарный командарм гражданской войны Семен Буденный. И лишь генералы нового молодого поколения, такие как Жуков и Рокоссовский, поняли, что наступившая война станет войной моторов, войной тан-

ков и «Катюш». Тем не менее и лошадям достало тяжелой фронтовой работы. Вьюнок и его четвероногие собраты спасли жизни сотням тысяч раненых, вывозя их с поля боя.

А Вьюнок к тому же оказался везунчиком: не успел он приехать на линию фронта, не успели выгрузить его и других лошадей из вагона, как состоялась чудесная встреча Вьюнка с его любимым хозяином Николаем Николаевичем, ранее призванным на фронт. Встретились любящие друг друга конь и человек и пошли трудными военными дорогами. И однажды, в трагический момент, доведется Вьюнку спасти своего хозяина и его фронтового друга, которых застанет в чистом поле фашистский самолет. С иезуитской улыбкой фашистский ас расстрелял Николая Николаевича и его однополчанина. Это могло стать последним, что увидели бы наши бойцы...

Да, Великая Отечественная война стала войной моторов, но никакая техника не могла пересилить живое существо. Скажите мне, смог бы танк, почувствовав, что его хозяин-танкист в беде, прибежать к его боевым друзьям и метаться среди них до тех пор, пока те не поймут: надо спасать однополчан, они в беде? А именно так и сделал Вьюнок, спас своего хозяина и его друга, которые благодаря коню были отправлены в военный госпиталь. Светлый финал рассказа — о том, что Николай Николаевич с Вьюнком еще немало историй пережили на фронтовых трудных дорогах, а потом и в мирное время у них было много дел... История дружбы и неразлучной судьбы доброго человека и доброго коня. Так сама Светлана Вьюгина характеризует свой рассказ. А мне при этом вспоминается есенинский жеребенок, который наивно пытается перегнать паровоз... «Милый, милый, смешной дуралей», в котором угадывается не только верный конь Вьюнок, но и корневая глубинная Россия, столь наивно верящая прогрессу...

Читателей ждет немало интересных и согревающих душу светом добра, встреч

с героями книги Светланы Вьюгиной «Вьюнок». А этого света так сегодня не достаёт. Почитайте рассказ «Алексей — человек Божий», чтобы в который раз убедиться, что за Богом молитва действительно не пропадает. Молитва, обращенная к святому Алексею, чудотворная икона которого есть в московском храме «Всех скорбящих радость» на Ордынке, станет прологом обретения вами спокойствия во дни испытаний. Именно в такие дни героиня повествования, в которой легко угадывается автор, пришла в этот храм и волею судьбы встретила женщину, что отвела ее к иконе святого Алексея. А потом на улице, бредя сквозь московскую метель, женщина, только что молившаяся Алексею, Божьему человеку, увидела стоящего на коленях бомжа. Перед ним лежала шапка для подаяния, в которую щедро падал снег, словно подаяние свыше... «Помогите Христа ради многогрешному Алексею», — с этими словами бомж обратился к женщине. И, конечно, она помогла, и зазвучало в ее душе в тот момент стихотворение великого поэта многострадальной земли русской Юрия Кузнецова: «Мне помнится, в послевоенный год / Я нищего увидел у ворот — / В пустую шапку падал только снег, / А он его вытряхивал обратно...»

И вот спустя какое-то время, когда жизнь ее более-менее наладилась, грянула беда, которая коснулась не только ее одной, но каждого из нас, — нашествие коронавируса. Пенсионный возраст женщины в период пандемии и самоизоляции не позволял ей выходить на улицу: в Москве ввели жесткие ограничения для людей старшего возраста. Но благодаря заботливому сыну она не знала проблем с продуктами. И все же иногда, почти конспиративно, выбиралась в магазин, надев маску и перчатки, в душе оправдываясь перед сыном, что, мол, нельзя же терять самостоятельности. Именно в это время ей позвонили молоденькие девушки-волонтеры и предложили привезти все необходимое.

Поначалу она хотела отказаться от помощи: вроде ни в чем она не нуждалась. Но девушка была настойчива и говорила, что не следует мешать молодому поколению проявлять себя на ниве сострадания. Сделав небольшой продуктовый заказ и включив в него несколько шоколадок для подарков волонтерам, женщина стала ждать их, будучи предупреждена, что посторонним двери открывать нельзя: доставщик назовет определенный номер заказа. Она ожидала встретить худенького студента (сообщили, что заказ привезет парень). Но вместо худышки-мальчишки увидела модно одетого молодого мужчину в маске и перчатках. Он поставил пакеты и хотел тут же уйти. На вопрос женщины: «А деньги?» ответил: «Это вам подарок. Ведь сегодня — чудесный день». От шоколадки-подарка с улыбкой отказался, ответив, что шоколада не ест в принципе. И шагнул к лифту. Ремонт в подъезде общению явно не способствовал! На вопрос, как его зовут, обернулся и улыбнулся: «Алексей!» Не стал уточнять больше ничего, а лишь дополнить: «Алексей, Божий человек». Лицо волонтера закрывала маска, глаза смотрели весело и дружелюбно. Все это было похоже на какое-то чудо дошедшей до небес молитвы, когда-то прозвучавшей в храме, чудо добра. Три огромные сумки с продуктами, пакет с шоколадками... Конечно, подарками хотелось поделиться. Эстафета добра продолжилась...

После прочтения этого рассказа вы наверняка растрогаетесь. И это будет чувством радости и гордости за отзывчивость, благородство молодого поколения, которое проявилось именно во дни всеобщих испытаний. А еще своеобразным напоминанием, что надо чаще читать книги, подобные сборнику Светланы Вьюгиной «Вьюнок». Ведь мы состоим из добрых книг, прочитанных нами.

Эдуард АНАШКИН